

Даниель Мило

ЗА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНУЮ, ИЛИ ВЕСЕЛУЮ, ИСТОРИЮ

Daniel S. Milo. Pour une histoire expérimentale, ou la gaie histoire // Annales: ESC, mai-juin 1990, no.3, p.717-734.

© Ecole des hautes études en sciences sociales, 1990

Перевод к.э.н. И.А.Егорова

Знакомое есть привычное, а привычное труднее всего «познавать», т.е. видеть в нем проблему, т.е. видеть его чужим, отдаленным, «вне нас самих»... Великая уверенность естественных наук... покоится именно на том, что они берут чужое как объект: между тем желание принять за объект вообще нечуждое есть едва ли не полное противоречий и бессмысленное занятие...

Фридрих Ницше. "Веселая наука", § 355.

История постоянно разрывается между наукой и искусством. Иногда это напряжение пытаются снять, то усиливая научную сторону, в частности, за счет уменьшения художественного вымысла, то подчеркивая художественный компонент истории, а то называя это противостояние надуманным. Но как избежать напряжения, заключенного в двусмысленности самого понятия истории: исследование – повествование? Впрочем, зачем избегать того, что многократно доказало свою плодотворность в определении содержания дисциплины? Мы рассмотрим эту проблему через призму эксперимента в исторической науке. Понятие "экспериментального" составляет фундамент современной науки, начиная с Бэкона и Галилея. Напротив, экспериментальное искусство – явление характерное лишь для XX в. А экспериментальная история? Возможна ли, желательна ли она? И если да, то будет ли она ближе к точному, научному эксперименту или же к эксперименту метафорическому, художественному? Вместо того чтобы резать по живому, мы предлагаем использовать в историческом исследовании как научный, так и метафорический эксперимент, естественно, понимая все противоречия, следующие из подобного выбора¹.

¹ Некоторые из затрагиваемых здесь тем были развиты мною в статье "Необычная, но поучительная встреча количественного и культурного [начал]" (Milo, 1987). Предлагаемый здесь текст – плод длительной работы, начатой в 1987 г. Это во многих отношениях коллективный труд. Он сложился в результате чтения, поощрений, пренебрежительных замечаний, критики и советов многочисленных коллег, друзей и бывших друзей. Им всем – моя горячая благодарность.

I. УРОКИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИСКУССТВА

В XIX в., веке науки, истории и романа, историки упорно стремились разместить свою дисциплину во владениях науки (Hartog, 1988). Наука, разумеется, но какого типа? Одно из общепринятых решений основывалось на классификации, предложенной Клодом Бернаром: "Различие между науками, называемыми науками наблюдения, и так называемыми экспериментальными науками, должно основываться исключительно на возможности воздействовать на объект" (Bernard, 1984 [1865], p.44). Историю, таким образом, следует отнести к пассивным наукам, обреченным заниматься лишь наблюдением, – в том же смысле, что, например, и астрономия (пассивное наблюдение, разумеется, несколько не означает нейтральности или объективности). На другой стороне находятся экспериментальные, активные науки, непосредственно манипулирующие своими объектами: химия, физика, экспериментальная медицина. Пассивность истории предопределена окончательно, т.к. материал для манипулирования – прошлое – безвозвратно отсутствует: человек может попасть на Луну, но не в XIII в.

Но что такое научный эксперимент? Согласно Клоду Бернару, "экспериментатором называют того, кто использует простые или сложные приемы исследования, чтобы изменить (с какой-либо целью) естественные явления и заставить их проявиться в таких обстоятельствах или условиях, в которых они не существуют в природе" (Bernard, 1984 [1865], p.45). Экспериментировать – значит проявлять насилие по отношению к объекту. Это – способ подвергнуть изучаемый объект испытаниям, от которых уберегла его природа, или испытаниям, которые а priori являются для него чуждыми, с тем чтобы лучше или иначе узнать объект, а заодно исследовать и само испытание (для простоты рассуждения мы не затрагиваем вопрос о предналичии "объекта" до эксперимента).

"Эксперимент – это, по сути, лишь спровоцированное наблюдение" (Bernard, 1984 [1865], p.49). Можно выделить шесть архетипов эксперимента (список не закрыт): инъекция – добавить к X элемент, который является для него чуждым; изъятие – изъять из X элемент X_1 , который обычно является его частью; перенесение – перенести X из его естественной среды; смена шкалы – провести X через последовательность уровней наблюдения; деноминация/реноминация – отнять у X его обычную концептуальную среду, говорить о нем с помощью необычных категорий; рядоположение – поставить вместе то, что обычно не соседствует друг с другом, X рядом с Y.

Задача данной статьи – найти эквивалентные перечисленным методы исторического экспериментирования. Разумеется, историку никогда не удастся подвергнуть бретанскую деревню XVII в. испытаниям, хотя бы отдаленно похожим на те, которым подвергается в лабораториях подопытный кролик. Но это не означает, что он ограничивается исключительно наблюдением этого объекта (кстати, отсутствующего). Я попытаюсь показать, что историк располагает целой облоймой способов, прямо относящихся к экспериментальной науке, но всякий

раз недомолвки, сопротивление, полумеры приводят к тому, что эксперимент остается редким явлением в истории².

Экспериментатор, субъект и объект

Естественное, обычное, чуждое – эти термины ясно говорят о том, что экспериментирование – это мета-деятельность, практика второго порядка (Elkana, 1988). Экспериментирование – это "вызов, который воображение бросает фактам и наивным или научным представлениям о них" (Bourdieu et al., 1968). В процессе эксперимента изучается объект – а вместе с ним и исследователь, который объект наблюдает. Напомним, что две лежащие в основе этого положения идеи были высказаны в одном и том же 1927 г., когда Вернер Гейзенберг сформулировал принцип неопределенности, а Нильс Бор – правило дополнительности, правило, вводящее субъект – физика – в научный эксперимент (Holton, 1981 [1970]).

В XX в. мы стали свидетелями частичного отказа от утопической реконструкции истории, поскольку последняя невозможна, по мнению одних, или нежелательна, по мнению других. Кроме того, был выведен за рамки исследования, или, по меньшей мере, нейтрализован, исторический субъект, что на практике привело к усилившемуся безразличию по отношению к сознанию и воле действующих лиц. Эти последние могли осознавать или не осознавать структуры, открытые исследователями, – ни то, ни другое ни в коем случае не могло подтвердить или опровергнуть существование этих структур (в лучшем случае подобное осознание могло бы способствовать подтверждению, но не отрицанию их реальности). Таким образом, центр тяжести верификации сместился от исторического субъекта к личности историка, который устанавливает правила оценки достоверности событий.

Историк утверждает себя в качестве единственной полноценной воли на истори(ографи)ческой сцене. Конечно, замещение субъекта Филиппа II субъектом Фернаном Броделем с философской точки зрения невозможно, оно относится к тому, что называется категориальной ошибкой. Однако свято место пусто не бывает – при отсутствии исторического субъекта пространство, некогда занятое им, оказывается во власти историка. Если он и не всемогущ, он, по меньшей мере, вездесущ и не имеет более права прятаться (это слово не слишком сильно) за барьером так называемой реконструкции прошлого. Именно ему надлежит создать свою источниковедческую базу, придумать способы обработки источников. Именно ему надлежит переходить – постоянно и систематически – от того, что лежит на поверхности, к структуре, и наоборот, от беспорядка к порядку, от случайности к взаимосогласованности, оправдывая тем самым свое право на существование.

Остранение

В науке экспериментирование является нормой: было бы нонсенсом в наши дни говорить о неэкспериментальной биологии или химии;

² Марк Ферро развивает иную концепцию экспериментальной истории: Ferro, 1985, p.126–142.

в искусстве же оно является исключением: Шенберг, Берг, Вертов, Годар, Вархол, дадаизм, кубизм, "Тристрам Шенди", "Поминки по Финнегану"*, список короток и избирателен (Roggioli, 1968 [1962]; Calinescu, 1987). Но наука вполне сопрягается с искусством авангарда в том смысле, как его представляли теоретически и идейно русские формалисты³. И в науке, и в искусстве игра идет вокруг (и в особенности против) обычного контекста: по определению, экспериментировать – это вырывать из контекста. Как говорит Виктор Шкловский в своей основополагающей статье 1917 г. "Искусство как прием": "Автоматизация [восприятия – *Прим. ред.*] съедает вещи, платья, мебель, жену и страх войны" (Шкловский, 1983 [1917], с.15). Все подвержено этому, ибо "вещи, воспринятые несколько раз, начинают восприниматься узнаванием: вещь находится перед нами, мы знаем об этом, но ее не видим". Искусство, следовательно, состоит в том, чтобы "дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание". Используя знакомый образ, можно сказать, что человек, живущий около моря, уже не слышит шума прибоя; именно художник должен заставить вновь услышать его, (впрочем, формалисты говорят даже о том, чтобы вновь придать "каменистость" камню...). Чтобы достичь цели, художник использует целую гамму приемов, снимающих автоматизм. Первый, самый известный из них – это *остранение*, которое делает чуждым предмет, ставший столь знакомым, что его больше не замечают. Тем самым формалисты возвращаются к восходящей к эпохе романтизма идее, давая ей теоретическое обоснование⁴. Бертольд Брехт рассказывал: "Во время моего предшествующего пребывания в Москве мне довелось разговаривать с товарищем Третьяковым и его друзьями, литературными критиками. Я узнал тогда, что советские исследователи нашли понятие, которое можно применить в новой эстетике, идущей на смену устаревшей эстетике Аристотеля. По-русски это понятие называется *остранение*. В новом немецком театре мы опробовали термин *Verfremdung*, или дистанцирование, немного изменив содержание русского понятия"⁵.

"Снятие привычности" достигается с помощью "метода индивидуализации предметов и набора способов, состоящих в том, чтобы затемнить форму, затруднить восприятие и увеличить его продолжительность". Привычность можно снять и другим способом – дать слово не-

---

* "The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gent" (1760–1764) и "Finnegans' Wake" (1939) – экспериментальные романы ирландских писателей Лоуренса Стерна (Laurence Stern) (1713–1768) и Джеймса Джойса (James Joyce) (1882–1941).– *Прим. ред.*

³ О близости между формалистами и авангардом см. Roggioli, 1968; Le formalisme..., 1975 [1924]. О формалистах см. Ehrlich, 1955; Steiner, 1980–1981, p.59–116.

⁴ Хайден Уайт прослеживает родословную "остранения", идущую от Новалиса к Ницше и Фуко: White, 1978 [1973]. См. также Coleridge, 1983 [1817], p.6–7.

⁵ Цит. по: Kleberg, 1988, p.66 (восстановленный Л.Клебергом отчет о дискуссии, состоявшейся в Москве 14 апреля 1935 г., в которой среди прочих участвовали Станиславский, Мейерхольд, Эйзенштейн, Крейг, Пискалов, Брехт).

обычному герою. Перс у Монтескье, лошадь у Толстого, дурак у Фолкнера, карлик у Грасса – все они заставляют читателя иначе увидеть естественный для него мир.

Процесс выработки автоматизмов накладывает отпечаток на наши отношения с прошлым. Любое, ставшее признанным представление о событии, о группе, об эпохе составляет своего рода *Gestalt* [образ (нем.). – *Прим. пер.*], сквозь который мы их видим. 10 августа 1792 г.*, францисканцы, "Осень средневековья" становятся, таким образом, объектами, "воспринимаемыми путем узнавания" (говоря словами Шкловского). Приведем два примера, когда привычное становится будоражающим в первом случае и неузнаваемым во втором. В своей последней работе "Человек по имени Моисей и монотеистическая религия" (Фрейд, 1993 [1939]) Фрейд исходит из хрестоматийной гипотезы: "Если Моисей был египтянином?" Отсюда следует целый каскад следствий, которые противоречат прочно утвердившемуся сценарию исторического развития Запада, ведущему от политеизма к Моисею, от Моисея к Христу, а затем к нам. Предложенная Фрейдом игра тревожит вдвойне, ибо он вводит в историческое исследование неисторические по определению принципы объяснения, в данном случае убийство Отца.

В книге "Микробы: война и мир" Брюно Латур рассматривает микробиологию конца XIX в., как Толстой – наполеоновские войны (Latour, 1984, p.41). В его интерпретации Пастер уже не является одиноким гением рассказов о великих людях, навязывающим свои открытия упрямому обществу. Напротив, он предстает тонким стратегом, который пользуется результатами деятельности многих людей, стирая в то же время все следы своих заимствований. Латуру удалось создать такой образ Пастера, потому что, наблюдая мир, он не определял заранее контуры составляющих его феноменов: "Мы не знаем, каковы действующие лица, населяющие мир, который мы изучаем. Следует исходить именно из этой исходной неопределенности, чтобы понять, как действующие лица, взаимодействуя, определяют друг друга, как они вызывают на сцену других субъектов и формируют их устремления и действия".

Если обязательно надо сослаться на авторитетное имя, то мой выбор падает на Макса Вебера. Его "идеальный тип" – категория, сочетающая насилие по отношению к реальному и остраненность. Идеальный тип "создается посредством одностороннего усиления одной или нескольких точек зрения и соединения множества диффузно и дискретно существующих *единичных* явлений (в одном случае их может быть больше, в другом – меньше, а кое-где они вообще отсутствуют), которые соответствуют тем односторонне вычлененным точкам зрения и складываются в единый *мысленный* образ. В реальной действительности такой мысленный образ в его понятийной чистоте нигде эмпирически не обнаруживается; это – *утопия*" (Вебер, 1990а [1904], с.390). "Чем отчетливее и однозначнее конструированы идеальные типы, чем *дальше* они, следовательно, от реальности, тем плодотворнее

---

* 10 августа 1792 г. произошло народное восстание в Париже, в ходе которого была свергнута монархия. – *Прим. ред.*

их роль в разработке терминологии и классификации, а также их эвристическое значение" (Вебер, 1990б [1925], с.623–624). Идеальный тип не является, следовательно, нормативным или описательным понятием, средней или медианной величиной. Это – логическая конструкция, единственное назначение которой определяется ее эвристическим характером.

Ввязываешься в дело (решительно) – и видишь!

У нас сложилось чрезмерно идеализирующее представление о научном эксперименте, согласно которому экспериментатор действует, лишь располагая четко сформулированными гипотезами и жесткими критериями верификации. Конечно, эксперимент, поставленный с целью доказательства, имеет первостепенное значение: "Это целенаправленное действие, состоящее в том, чтобы спровоцировать природу, заставить ее недвусмысленно сказать, подчиняется она теории или нет" (Prigogine et Stengers, 1979, p.11).

Однако существует совсем другая форма экспериментирования: эксперимент, цель которого – поиск.

"Физиолог не должен бояться действовать, в какой-то мере наугад, чтобы попробовать – да позволят мне это вульгарное выражение – половить рыбку в мутной воде. Это значит, что он может рассчитывать, что в результате вызванных им функциональных нарушений возникнет какое-либо непредвиденное явление, которое даст новые стимулы и ориентиры для исследования. Подобные эксперименты "на ощупь", чрезвычайно распространенные в физиологии, патологии и терапии из-за отсталости этих наук, можно было бы назвать *экспериментами, чтобы посмотреть*. Их функция состоит в том, чтобы вызвать непредвиденное и неопределенное заранее явление, которое поможет сформулировать идею эксперимента и открыть пути для дальнейших исследований" (Bernard, 1984 [1865], p.50–51).

Чтобы определение экспериментальной истории не было тривиальным и отражало ее характерные свойства – наряду с воздействием, которому сознательно подвергают объект, в нем непременно должен присутствовать произвольный, "игровой" компонент, который обеспечивает ее экспериментальный характер. Ибо экспериментировать – значит играть в самом серьезном смысле слова (Йохан Хейзинга в своем знаменитом труде "Homo ludens" (Хейзинга, 1992 [1937]) раз и навсегда снял противопоставление между игрой и серьезным делом. Состояние духа экспериментатора представляет собой противоречивую, на первый взгляд, смесь релятивизма и готовности идти до конца, или, по выражению Фейерабенда, диалектику взаимодействия принципа настойчивости и принципа пролиферации (Фейерабенд, 1986 [1965], с.120–123). Гипотеза (модель, литературный жанр) проверяется до тех пор, пока не станут ясными операциональные пределы ее применения (здесь угадывается "научная парадигма" Томаса Куна). Но в то же самое время совершенно ясно, что речь здесь может идти лишь об одной игре из многих возможных. "Anything goes" [годится все (англ.)– Прим. пер.] – девиз Фейерабенда (Фейерабенд, 1986 [1975], с.153). И если такая стратегия не всегда обеспечивает приращение знания (а в этом она ничуть не от-

личается от других), то этот недостаток восполняется раскрепощающей веселостью. А что, если попробовать написать *gayu historia* [веселую историю (лат.) – *Прим. пер.*]?

Чтобы эксперимент был результативен, надо начинать с четкого установления правил игры, т.е. кодификации произвольного. Но сказать "игра" – значит подразумевать "выигрыш" или "проигрыш". Иначе говоря, эксперимент имеет смысл лишь в том случае, если он может и потерпеть неудачу. Этим экспериментальная история отличается от реконструктивной, при написании которой историк более или менее осужден на удачу, ибо из всякого похода в прошлое он неизбежно возвращается с восстановленным "фрагментом". Экспериментальная история не дает таких гарантий. Тот, кто занимается количественной историей, знает, сколь часто усилия оказываются напрасными и приращения знания не происходит. Учитывая это, не следует искать общих правил экспериментальной истории; здесь, как в спорте, каждая игра должна вестись по собственным законам.

Как и всякое сравнение, сравнение ученого, художника и историка имеет свои границы. Прежде всего, различна природа реальности, с которой имеет дело каждый из них. В этом плане соответствующие "обязательства" сильно отличаются друг от друга. Историк, как и ученый, вынужден обращаться с явлениями, какими они были в действительности ("wie es eigentlich gewesen")*, в то время как художник имеет право говорить о том, "что могло бы иметь место в силу правдоподобия или необходимости", говоря словами "Поэтики" Аристотеля. Вместе с тем историк, как уже отмечалось, не владеет своим материалом так, как биолог микробами или писатель словами. Он никогда не сможет "вставить" Фридриха II в XVII в., чтобы проверить применимость модели Элиаса к книге Канторовича; он не сможет изъять железные дороги из американской истории XIX в.; никогда не сможет он подержать в руках этюды об архитектуре Парижа 1987 г., написанные бароном Османом. Как ни важны данные оговорки, они не должны тем не менее скрывать общность, которая существует между экспериментальной историей и наукой, с одной стороны, и искусством авангарда, с другой, т.к. все эти виды творчества используют метод выхода из контекста как способ открытия нового. Специфика такого подхода состоит в том, чтобы лишить объект его обычного контекста с целью познать его лучше или иначе.

II. ФАМИЛЬНОЕ СХОДСТВО: НЕСКОЛЬКО ПРИМЕРОВ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Новое отношение к источникам

Существует банальный, но важный по своим последствиям факт: историк располагает не прошлым, а его следами. К тому же, говоря схематично, в XX в. акцент был перенесен с анализа характера самих источников, как весьма скудных свидетельств прошлого, на изучение

---

* Знаменитая фраза известного немецкого историка Леопольда фон Ранке, утвердившего принцип историзма в качестве основного метода исторического исследования. – *Прим. ред.*

их индивидуального, пристрастного, авторского характера; с установления аутентичности, датировки и атрибуции документов – на их толкование. Любой письменный источник (текст) – в широком значении слова – обусловлен дважды. Обусловлен, во-первых, интеллектуальным инструментарием эпохи и среды (Люсьен Февр); во-вторых, преднамеренным характером воздействия, которое он должен по замыслу произвести на тех, кому он предназначен.

Дабы преодолеть двойной барьер чужого авторства и пристрастности, историк использует три взаимодополняющих тактических приема, общим знаменателем которых является нейтрализация преднамеренности "создателей" источников. Это усиливает роль историка как читателя-манипулятора. Первые два приема являются прямыми, а третий – косвенным (но гораздо более радикальным) продуктом нашей эпохи недоверия:

– *Анализ периферии дискурса* "начинается с подозрения, что в тексте говорится не совсем то, что сказано. Смысл, который схватывается и является непосредственно очевидным, может быть в реальности менее значимым смыслом, который заслоняет, отодвигает, но все-таки, несмотря ни на что, таит в себе другой смысл" (Foucault, 1971, p.183.) Предпочтение следует отдавать не столько непосредственному и сознательному свидетельству, сколько тому, что очевидец говорит вопреки себе. Речевые привычки, непонятные для нас сравнения, повторы, пробелы, классификации, короче, все, что было для него, как представляется, естественным, а для нас является условным, служит материалом для создания (а не воспроизведения) логики, определяющей внешнюю сторону текста⁶. В детских воспоминаниях Леонардо да Винчи Зигмунд Фрейд (Фрейд, 1991 [1910], с.34–49) проводит параллель между барьерами, отделяющими психоаналитика от детства пациента, и барьерами, отделяющими историка от "детства" (т.е. прошлого) изучаемого им общества. Оба исходят из наличных признаков, единственно доступных для воссоздания прошлого. Однако, хотя Фрейд и настаивает на том, что воссоздать подлинное прошлое можно и должно, он исключает возможность того, что пациент или общество могли бы сделать это сами.

– *Расширение понятия источника*. Как заметил Фуко, "природа текста требует к себе критического отношения и по другой причине: она выходит в некотором роде за рамки чисто словесной формы, а кроме того в мире есть много других вещей, которые «говорят», но не являются текстом" (Foucault, 1971). Образы, безумие, природа, тело, смерть, обряды, ссоры – все "говорит", все подлежит расшифровке.

– *Манипулирование источниками*. Отдаляясь от герменевтики, о которой говорит Фуко, приближаешься – кое-кто сказал бы "опасным образом" – к насильственному вторжению в историю, которое, по его мнению, и характерно для позиции "недоверия". Для представителей количественной истории такая позиция является своего рода парадигмой: подвергнуть источники жесткому испытанию цифрой, по оп-

⁶ К.Гинзбург даже создает из этого парадигму ретроспективных наук: Ginzburg, 1980, p.3–4.

ределению, значит сделать социальных актеров анонимными, проявляя безразличие к тому, что могли знать и понимать "создатели" источников.

Часто говорят об отступлении интернализма [анализа "изнутри". – *Прим. ред.*]: но разве от него отказались? Нисколько. Во многом он остается тем горизонтом, к которому всегда надо стремиться. Ибо всеми признаваемый принцип экстернализма, сторонней позиции историка, очень трудно соблюсти на практике. Признавая, что он должен находиться вне объекта, историк постоянно пытается проникнуть в изучаемую реальность, стараясь как бы исчезнуть, раствориться в ней.

Существует целая гамма противоядий от этого постоянного и плохо контролируемого (но можно ли его реально контролировать?) соскальзывания в прошлое. Одно из них состоит в переосмыслении методов воссоздания истории без отрицания их принципов. Согласно знаменитой формуле Клиффорда Герца "The trick is to find out what the devil they think they are up to" ["Хитрость как раз и состоит в том, чтобы выяснить, что, черт возьми, они думали на самом деле (англ.). – *Прим. пер.*]: как осмыслить и в особенности как осуществить взаимодействие между близким и удаленным опытом (Geertz, 1983 [1974], p.58). Показательно, что в стремлении к самообновлению история вдохновляется примером антропологии.

Но каким бы правомерным и, особенно, каким бы плодотворным ни было это решение, мы защищаем здесь не его. Мы отстаиваем гораздо более радикальный способ, состоящий в том, чтобы последовательно выдерживать экстерналистскую логику, принимая все то вмешательство извне, которое она предполагает. Последовательная "внешняя" позиция историка означает, что исследователь противостоит власти изучаемого прошлого, не стремится любой ценой "застолбить" вопросы, доносящиеся из этого прошлого, и не во всех случаях придерживается реалистической мотивации (Tamashevski, 1965 [1917]). Как ни парадоксально, цель подобной позиции состоит именно в том, чтобы воссоздать прошлое.

Сравнительный метод

Сравнительный метод, применение которого стало возможным благодаря внешней позиции исследователя, – это матрица любого экспериментирования; иными словами, всякое экспериментирование предполагает сравнение. Сравнительный метод в принципе делает историка всемогущим, но как раз эта метаморфоза лежит в основе споров вокруг компаративистики. Все признают выдающуюся роль аналогии в прогрессе знания; уже мыслители античной Греции видели в ней способ абстрагирования, метод изобретения, систему объяснения (Hartog, 1980). Но вместе с тем признается и серьезная опасность скатывания к тавтологиям и эстетизму, опасность, которую несет в себе произвол компаративистики⁷.

Осторожность в применении сравнительного метода, звучащая, может быть, как тавтология в тезисе "сравнивайте только сравни-

⁷ Bourdieu, 1979, p.55. Осознание ловушек не означает, разумеется, отказа от сравнения: Bourdieu et al., 1968, p.71–80; 246–264.

мые вещи", ведет к ограничению сферы компаративистики только "обществами, являющимися одновременно и соседями, и современниками, постоянно влияющими друг на друга, подверженными в своем развитии – как раз в силу синхронности и близости – действию одних и тех же главных причин и восходящих, хотя бы частично, к общим истокам" (Bloch, 1928, p.19) Но зачем ограничивать сравнение только соседями по территории? Если бы Чарльз Дарвин следовал этому девизу, то он вряд ли бы разработал эволюционную теорию. Блок сам признавал правомерность другой сравнительной истории, когда "выбираются такие разделенные во времени и пространстве общества, что аналогии, наблюдаемые и с той, и с другой стороны, между теми или иными явлениями, со всей очевидностью не могут объясняться ни взаимным влиянием, ни какой бы то ни было общностью происхождения" (Bloch, 1928, p.18). В этих случаях речь идет о возможностях обнаружения "склонности человеческого духа реагировать в аналогичных обстоятельствах примерно сходным образом"⁸. Карло Гинзбург опубликовал недавно блестящую и головокружительную иллюстрацию (Ginzburg, 1989) этого универсалистского или морфологического подхода.

Оба варианта компаративистики в основе своей "реалистичны": один – начинает с исходной точки; второй рассчитывает стать таковым в "пункте назначения". Существует, однако, третий вариант, который а priori индифферентен к наличию каких бы то ни было "реальных" отношений между сравниваемыми объектами; цель этого вида компаративистики – лучше понять А, наблюдая его рядом с Б, и наоборот (а если задним числом будет обнаружено "реальное" отношение между А и Б, то тем лучше). Под этим углом зрения оправдано любое сравнение, правда, при условии, что от него не ожидают того, чего оно не может дать. Неправомерно, например, исходя из формального или структурного сходства, механически делать вывод о наличии реальных контактов между двумя обществами или их общем происхождении. Такова позиция Клода Леви-Строса: "Как картины и коллажи Макса Эрнста, мое исследование, посвященное мифологии, складывалось из кусочков, взятых извне: в данном случае это были сами мифы, как и многие другие образы, извлеченные из старых книг. Затем они свободно вылились на страницы текста, расположившись скорее так, как они явились мне, нежели согласно моей сознательной и преднамеренной воле" (Lévy-Strauss, 1983, p.327–328).

Количественный подход

В исторических исследованиях количественный подход стал наиболее последовательным видом экспериментальной практики (Milo, 1987). Никакие представители других направлений исторического анализа – структурализации, формализации, моделирования, нейтра-

⁸ Bloch, 1930, p.31–39. О подходе Блока к сравнительной истории см. подборку, опубликованную в American Historical Review, 1980, содержащую статью А.Хилл и Б.Д.Хилл, ответы В.Сьюэла и С.Траппа, реплику Хиллов; см. также Sewel, 1967. См. также введение, написанное Ж. Ле Гоффом для повторного издания книги Блока "Короли-чудотворцы" (Bloch, 1983 [1924]).

лизации интенциональности [преднамеренности. – *Прим. пер.*] – не идут столь далеко. Количественная история особенно склонна придерживаться жестких схем при обработке источников, которые, впрочем, чаще всего и обнаруживаются, благодаря применению количественных методов. Свободная воля историка присутствует на всех этапах количественного анализа. Историк прежде всего определяет критерии составления ряда. Создание ряда при помощи сетки переменных – это не воссоздание феномена; по замыслу ряд должен был бы быть эквивалентом математического множества или зоологического вида, хотя исторический ряд в реальности никогда не существует до момента составления. Входящие в него элементы существуют лишь "в бестелесном голосе, осуществляющем их перечисление" (Фуко, 1994 [1966], с.29). Историк ставит рядом друг с другом переменные, чтобы установить – если возможно – значимые корреляции: между высотой человеческого роста и уровнем грамотности, например, или между голосованием и цветом глаз (Le Roy Ladurie et Demonet, 1980; Le Bras, 1987).

Нетрудно понять, к какому эпистемологическому разрыву приводит применение количественного подхода в исторических исследованиях. Когда прошлое изображается в виде рядов, оно становится своего рода сырьем для последующего производства. Ибо объективация, дегуманизация прошлого непоправима, даже если обращаются к чему-то особенному, например пытаются измерить отклонения от нормы. Человеческое общество, взятое в виде рядов, утрачивает (для одних временно, для других окончательно) специфику, отличающую его от других объектов, наблюдаемых наукой статистически, а значит, и экспериментально.

У специалиста по количественной истории есть все условия для большой творческой свободы. И, однако, на практике он слишком часто, желая быть реалистом, предпочитает избегать произвольных действий, составной части его подхода. Эта констатация справедлива не только по отношению к дисциплинам, традиционно использующим количественные методы, таким, как историческая демография или эконометрия. Дело дошло даже до различения того, что поддается квантификации (например, население), и того, что не поддается этому (например, высокая культура). Однако, если занять позицию, сформулированную мной, становится понятен и оправдан интерес и к квантификации культуры. Подвергнуть оперу, Гете или античную скульптуру жесткому испытанию цифрой – значит изъять их из естественной среды. Квантификация явлений культуры относится в силу этого одновременно и к нормальному, и к карнавальному экспериментированию: испытание цифрой, являющееся уравнивающим по определению, представляет собой крайнюю степень остранения по отношению к тому, что принято считать квинтэссенцией индивидуального⁹. Последнее возможно лишь при условии соблюдения логики "снятия" автоматизмов и освобождения от диктата изучаемой реальности.

⁹ Полезность квантификации была показана Пьером Шоню (см. Шоню, 1993 [1973]). Позволю себе сослаться также на мою диссертацию: Milo, 1985.

Возьмем в качестве примера количественные исследования, посвященные книжному делу во Французском королевстве XVIII в. Под влиянием Франсуа Фюре и в значительной мере под его руководством были проанализированы издательская продукция провинций, частные газеты, журналы, корреспонденция, библиотеки, типографские и книготорговые предприятия, а также привилегии и негласные дозволения, относящиеся к книжному делу¹⁰. Этот материал уникален и по объему, и по своей методологической однородности: практически во всех разработках, проведенных после исследования Фюре 1963 г., принят его набор классификаторов, подразделяющих литературу на пять категорий. В данном случае нас интересует как раз обоснование, предложенное Фюре для выбора именно этих рубрик переменных: "Классификация произведений, — пишет он, — была осуществлена согласно критериям эпохи. Национальная библиотека располагает огромным фондом описей частных библиотек XVIII в., где книги распределены на пять категорий: теология и религия; право и юриспруденция; история; науки и искусства; беллетристика" (Furet, 1965, p.14). Зачем Фюре ищет реалистическую мотивацию для подхода, который, как он знает, нереалистичен по определению? Современная классификация вполне пригодна для исследования полученных рядов (скорее даже современные классификации, т.к. их всегда несколько¹¹; впрочем, и они ни в коей мере не исчерпывают всех возможных рубрикаторов).

Я говорю, что экспериментальное вторжение в историю должно входить в привычку для историков. Количественная же история, которая является экспериментальной по определению, слишком часто попадает в тиски дисциплинарного автоматизма. Вопросники, классификаторы, корреляции, рассчитанные в количественных исследованиях, — во всем этом мало последовательного POSSИБИЛИЗМА, который должен характеризовать всякое экспериментирование. Последовательное применение принципа POSSИБИЛИЗМА означает, в частности, что историк-экспериментатор должен не столько изменять объект, сколько свои представления о нем.

Исторический POSSИБИЛИЗМ. Контр-фактическая история

Бросая вызов тем, кто стремится уложить историю в модель исторической необходимости, уподобляя историю греческой трагедии, Йегуда Элкана ратует за POSSИБИЛИСТСКИЙ подход: история как эпический театр (Elkana, 1982; 1986).

"По очень понятным причинам каждое поколение обращается с жизнью, которую застаёт, как с чем-то незыблемым, кроме того не-

¹⁰ Furet, 1965; Furet, 1970. Помимо включенных туда работ, см. также работы Д.Роша, Р.Шартье, Ш.Томассери, Р.Мулина, Ж.Кеньяра; что касается полной библиографии, см. Milo, 1987.

¹¹ Даниель Морне (Mornet, 1910) предлагает десять категорий книг; другие историки использовали еще более широкие шкалы. О сосуществовании нескольких систем классификаций в XVII в., на этот раз в социальной области, см. Perrot, 1968.

многого, в изменении чего оно заинтересовано. Это полезно, но неверно. Ведь каждый миг мир можно изменить и сразу во всех направлениях или хотя бы решительно в любом; этим он, так сказать, болен" (Музиль, 1984 [1930], с.316).

Возможное – конституирующий элемент экспериментальной практики. Вначале исследуются возможности какой-либо игры, с учетом того, что данная игра взаимозаменяема с другими. В последующем экспериментальная история могла бы позволить создать историю альтернатив, т.е. существовавших в каждый момент реальности вариантов, которые прошлое стремится скрыть, превращая конкретно свершившееся в необходимое, а несвершившееся – в невероятное или, по меньшей мере, в маловероятное.

Конечно, слова Музила не следует воспринимать буквально, их надлежит сделать историографически операциональными. Действительно, если "мир можно изменить и сразу во всех направлениях или хотя бы решительно в любом", то изучение этих возможностей потеряло бы смысла. В действительности, если область возможного в каждый исторический момент и огромна, она никогда не бывает безграничной. Историк надлежит установить ее границы, т.е. определить невозможное для данного момента; восстановить траекторию движения от возможных вариантов к конкретно свершившемуся; наметить процесс "наложения" возможных вариантов в терминах детерминизма, определяя универсальную тенденцию: возможное стремится к необходимому – с тем, чтобы уйти от случайного (произвольного) (подробнее см. Milo, в параотре 1). Тем самым историк отвечает на вызов Аристотеля, считавшего, что история должна обращаться лишь к тому, что реально имело место, оставляя мысли о возможном и необходимом поэзии и философии.

Именно под этим углом зрения можно взглянуть на знаменитый – и вызывающий споры – эксперимент Роберта Фогеля, осуществленный в его работе "Железные дороги и экономический рост в США" (Fogel, 1964). В ней ставится под вопрос аксиома: железные дороги были необходимым фактором экономического роста Америки в XIX в. А какие были бы темпы роста, если из XIX в. "изъяты" железные дороги? Результаты исследования, проведенного Фогелем, не вызывают сомнений: в тот период США добились бы впечатляющего роста даже без поездов. Некорректный прием? Возможно, но не в той мере, как это утверждают оппоненты Фогеля. В исторических суждениях нередко подспудно присутствует ничем не обусловленная ложная реальность (Heffer, 1977 [1970], p.70; Вебер, 1990в [1905]). Будучи скован невозможностью прямо вмешаться в прошлое, историк, осмысливая его, идет на применение "если". Он вынужден заниматься метаэкспериментированием. Так, Фогель задумал свою работу как "критическую оценку предположения, согласно которому железные дороги были необходимы для роста американской экономики в XIX в. Ключевой аспект этого тезиса [о необходимости] состоит не в том, что он говорит о железных дорогах, а в том, что он говорит обо всем том, что не является железными дорогами" (Fogel, 1964, p.10)¹²

¹² О весьма специфической риторике этой книги см. McCloskey, 1985.

В качестве иллюстрации приведу мое исследование, начавшееся с исторической фантастики (Milo, 1989). Если бы отсчет хронологии ве-ли не с обрезания Христа (год 1), а со страстей Христовых (год 33), то все даты передвинулись бы на 33 года* . Тогда в XX в. не было бы Ок-тябрьской революции, первой мировой войны, Альберта Эйнштейна, Пруста, Кафки, немого кино; XVIII в. стал бы веком не только просве-щения, но и романтизма, и т. д. Эта "игра" снимает автоматизм с по-нятия века, т. е. произвольного деления *par excellence*, которое, одна-ко, считается естественным, а – чаще всего – и не замечается. Если следовать теории домино, эта "игра" вскрывает условность и других привычных временных инструментов, таких, как календарь, эра, пе-риод, поколение, тысячелетие.

Исследования Аины Руссель (Rousselle) дают еще один пример¹³. Художественные фрески синагоги в Дура-Европос на Евфрате (раз-рушенной в 356 г. вместе с городом) изучались в соответствии с биб-лейским текстом, а некоторые детали, не поддававшиеся расшифров-ке, пытались объяснить ссылкой на таргумические версии* . Если же отвлечься от библейского текста (как будто бы он до нас не дошел), то это позволяет подойти к трактовке образов иначе. Так, сцена, изо-бражающая голую женщину в реке, держащую в руках голого мла-денца с отсутствующим половым признаком, напоминает скорее Атаргатиса и Семирамис, нежели Моисея, спасенного из вод. То, что идентифицировалось как ковчег, в одном месте имеет вид священно-го камня, а в другом – ларца для налоговых сборов. В этом случае вся работа по идентификации оказывается направленной на интерпрета-цию образов в их художественном и реальном контексте, что умень-шает риск "пережить" текст, добиваясь того, чтобы он совпадал с изо-бражением (и наоборот).

Отсутствие как истор(иограф)ический факт

История, изучение "того, что реально произошло", исключает а *fortiori* отсутствие, "то, что не произошло". Однако вполне правомерно рас-сматривать отсутствие как значимый факт, носитель доступной для понимания информации. Отсутствие можно рассматривать как допол-нение к possibiliзму: последний симулирует отсутствие (например, железных дорог); первый же делает его своим объектом исследования. Уже Ланглуа и Сеньобос, которых вряд ли можно подозревать в аван-гардизме, предлагали близкий к этому подход – рассуждение от про-тимального или использование фигуры умолчания в качестве аргумента (Langlois et Seignobos, 1898, p.220). Джон Лэндж предлагает отказаться от принципа вероятности, согласно которому, если событие Е имело место, то вероятно, что о нем должен сообщать какой-либо документ

* Согласно современной традиции считается, что Иисус Христос родился ок. 4 г. до н.э. и был распят ок. 30 г. н.э.– *Прим. ред.*

¹³ Я благодарю автора за предоставленную мне возможность ознакомиться с его исследованиями.

* Таргум – арамейский перевод Библии, использовавшийся, в частности, иудеями в Вавилоне.– *Прим. ред.*

(Lange, 1966)¹⁴. Нередко отсутствие события может быть более красноречивым, чем его наличие. Так, Майкл Баксандалл выдвинул идею культурного иммунитета¹⁵ и предложил рассматривать отсутствие как свидетельство сопротивления [культурному влиянию]. Он исходит из нетрадиционной интерпретации понятия "влияние", отмечая, что, если А оказал влияние на Б, активную роль обычно приписывают А, а пассивную роль – Б, в то время как реальным действующим лицом является не А, а Б: зафиксированное нами влияние говорит о восприимчивости Б, о неспособности его иммунной системы к сопротивлению. Так, по мнению Баксандалла, отсутствие влияния неоклассицизма Давида в немецком искусстве 90-х годов XVIII в. может служить для характеристики немецкого искусства того времени. Здесь, однако, нетрудно увидеть ловушку. Факты отсутствия бесчисленны, и изучать их все невозможно и бессмысленно. Дабы не впасть в тавтологию, необходимо убедиться в существенности факта отсутствия. Иммунитет против вируса имеет тот, кто не заразился им, находясь в контакте с больными. Так же и здесь: чтобы доказать факт отсутствия влияния на Б со стороны А, недостаточно просто констатации. Необходимо показать, что нормой было бы именно наличие влияния. Отсюда понятно, почему Баксандалл подчеркивает тот факт, что немецкие художники, писатели, философы в большом числе стекались в революционный Париж, где, как известно, Давид был повсюду.

Проиллюстрируем наши слова еще двумя примерами. Исследования конца XIX в. не оставили сомнений в том, что в 1000 г. н.э. не было никакого страха перед ожидаемым концом света (см. Milo, 1988). Известен даже источник рождения этой легенды: "*Церковные анналы*" кардинала Цезаря Барониуса (около 1600 г.). Тем самым 1000-й год является не событием средневековой истории, а фактом историографии. Я заинтересовался распространением мифа. Вначале, как и положено, я обратил внимание на авторов, ссылающихся на данный факт. Их малочисленность – всего-навсего девять за 1600–1800 гг. – подтолкнула меня к тому, чтобы поинтересоваться теми, кто не говорит об этом. Чтобы рассуждать о 1000-м годе, необходимо ознакомиться с "*Историями*" Рауля Глабера, единственного очевидца той эпохи. Отсюда следует, что некорректно использовать отсутствие упоминаний о 1000-м годе у авторов, не читавших и не знавших этой работы: в данном случае нельзя говорить об их иммунитете к мифу. Но есть много историков, читавших Глабера, более того, издававших его (бенедиктинцы-мавристы), переводивших его (Гизо), у которых, как ни странно, 1000-й год не упоминается. Поэтому следует использовать не вызывающие сомнений хронологические вехи, к которым, например, относится деление истории на века или Французская революция.

Другой пример. Ален Буро выдвигает в качестве проблемы отсутствие орла в императорском гербе Каролингов в VIII–X вв. (Bougeau,

¹⁴ Лэндж сравнивает этот метод с контрфактическим анализом. Относительно *argumenti negantis* см. Witschi-Bernz, 1972, p.65.

¹⁵ Эта идея была сформулирована в лекции, прочитанной в Школе высших исследований по социальным наукам в Париже в январе 1985 г., в рамках круглого стола по социальной истории искусства; см. также Waxandall, 1985.

1985, р.11–37). По его мнению, каролингское обновление нуждалось в императорском и/или военном орле в той же мере, что и Саксония в период восстановления, или же – что, конечно, не одно и то же – наше представление о государстве Каролингов, прямом наследнике Римской империи, нуждается в присутствии орла. Отсутствие орла в символике Каролингов позволяет, таким образом, исправить это анахроническое представление: "Каролингская императорская власть, не имея идеологической автономии, зажата в тиски христианского ритуала, контролируемая франкскими, епископскими и папскими властями, удерживаемая на расстоянии от метафорических символов, не могла представлять себя через них" (Bougeau, 1985, р.37).

Методологический анахронизм*

Анахронизм можно представлять двояко: как преследующее историка неизбежное зло, против которого приходится постоянно бороться; или как ценный прием, которым следует пользоваться решительно и весело.

Сторонникам первого подхода можно сказать, что это зло окажется не столь велико, если согласиться с тем, что любой историк живет в настоящем времени. Содержание исследовательского процесса в истории состоит в том, чтобы идти от настоящего к прошлому или, по меньшей мере, от следствия к причинам. Еще популяризатор дарвинизма Томас Хаксли проводил различие между проспективными науками – химией, физикой (где объяснение идет от причины к следствию), и науками ретроспективными – геологией, астрономией, эволюционной биологией, историей (где объяснение исходит из следствия и "поднимается" до причины) (Huxley, 1881). Два типа наук предполагают соответственно два типа причинности. Проспективные науки предлагают "достоверные" объяснения, в то время как ретроспективные науки могут предложить лишь объяснения вероятные.

Однако мы видим свою задачу не в том, чтобы превозносить анахронизм, а в том, чтобы показать, что его можно использовать, как экспериментальный метод в истории. В качестве примера рассмотрим два возможных подхода к понятию "предшественника". Согласно первому, это – анахроническое понятие, следовательно, его надо избегать, т.к. никто не мог считать себя предшественником кого-либо другого, кто появится после него (Coûté, 1961, р.79). Согласно позиции, которую мы здесь отстаиваем, можно использовать искусственное понятие "предшественника", связанное с вторжением в исторический процесс. Последуем за Хорхе Луисом Борхесом. Составив своего рода список текстов, написанных предшественниками Кафки, Борхес пишет: "В каждом [из текстов] есть что-то от Кафки, в одних больше, в других меньше, но не будь Кафки, мы бы не заметили сходства, а лучше сказать – его бы не было... Суть в том, что каждый писатель сам создает своих предшественников" (Борхес, 1994, с.91). Или же, говоря менее реалистическим языком, каждый историк воссоздает ряд

---

* В данном случае имеется в виду ошибка в отношении хронологии, отнесение какого-либо события, явления к другому времени, внесение в изображение какого-либо периода черт, ему не свойственных. – *Прим. ред.*

предшественников своего героя, выражая атмосферу своего времени и (на другом уровне) свою концепцию истории. Вряд ли нужно подчеркивать, что выбор пункта "назначения" является определяющим при составлении такого ряда.

То, что верно при взгляде "изнутри", не является таковым с точки зрения, которая предполагается чисто внешней, по крайней мере изначально. Изучать, например, Иеронима Босха как предшественника сюрреализма значит вооружиться еще одним средством, позволяющим понять творчество Босха. В данном случае, обращаясь к течению, чуждому этому художнику уже потому, что несовместимо с ним по времени. Можно утверждать, что возведение в ранг "предшественника", как и всякий анахронизм, является нереалистическим компаративистским подходом.

Но остается главное, т.е. реализация приема анахронизма на практике. И здесь мы подходим к границам возможностей нашего анализа, т.к., насколько мне известно, исследования, отвечающие требованиям активного и одновременно систематического применения метода анахронизма, отсутствуют. Единственная обнаруженная мною попытка такого анализа малоубедительна. Я имею в виду проект Аделины Домар, которая, пыталась применить современную классификацию социально-профессиональных категорий Национального института статистики и экономических исследований к древним обществам. Даже если принимаешь ее постановку проблемы, то результаты работы приводят в недоумение (Daumard, 1963, p.185-186; Daumard, 1973). За неимением лучшего можно удовлетвориться приемом метааныхронизма или деспециализацией. Вместо "смешения" взглядов субъектов разных временных периодов можно соединять взгляды специалистов по разным периодам¹⁶. Считается, что анахронизм состоит в приписывании одной эпохе точки зрения другой, как будто у эпох есть точка зрения, причем единственная. В действительности же метод анахронизма выявляет, главным образом, то, как практикующий его историк "считывает" эпоху, т.е. точку зрения самого историка. Составление списка предшественников Кафки предполагает прежде всего определение "своего собственного" Кафки.

III. ЭТИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Использование экспериментального метода несколько не означает, что реальность ставится в кавычки или выносится за скобки. Настоя-

¹⁶ Однажды мы предложили дюжине историков две автобиографии: Игнация де Лойоли и Глюкель Халмен (умершей около 1720 г.). Единственное условие участия в этой группе состояло в том, чтобы не быть специалистом ни по иезуитам, ни по еврейской истории, ни по XVI-XVII вв. Таким образом, изучением святого и торговки занялись демограф, медиевист, специалист по истории Кореи, специалист по мусульманским священным писаниям, специалист по Галилею и ряд других. Мы надеялись, что невозможность воспользоваться "дисциплинарными" автоматизмами могла бы дать двойкий эффект: во-первых, по-иному взглянуть на данные документы; во-вторых, выявить эти самые автоматизмы. В настоящее время мы ищем возможность опубликовать результаты этой игры.

щий вопрос в следующем: чему можно и должно подвергнуть эту реальность без кавычек? Это, собственно, вопрос уважения или неуважения к прошлому (см. Milo, E paraitre 2). Но, чтобы говорить об уважении к прошлому, прежде всего нужно быть уверенным, что оно существовало!

Бывает, что прошлое требует к себе уважения и не допускает экспериментирования по этическим соображениям. Вот два показательных примера. Первый: сильное напряжение, остро ощущаемое им самим, между Пьером Видадь-Наке, историком Древней Греции, и Пьером Видадь-Наке, историком пыток в Алжире и холокоста. С одной стороны, историк-экспериментатор, применяющий к античности метод гуманизированного левистросского структурализма, историк, который без колебания ставит эксперименты с объектами, по большей части им же созданными (Видадь-Наке, 1989). С другой стороны, историк-позитивист, который, говоря его словами, "упорно стремился установить факты о холокосте, факты, поддающиеся проверке, но тем не менее отрицаемые" (Vidal-Naquet, 1987a). Эти два подхода столкнулись на страницах его книги "Убийцы памяти", которая начинается с истории истребления илотов спартанцами (Vidal-Naquet, 1987b). Второй пример представляет собой условный диалог между двумя антропологами: черным, Жозефом Таулсом, и белым, Колином Тернбуллом. Оба они специалисты по племени иков. Под воздействием чрезвычайно суровых условий жизни в этом обществе развиваются жестокие, даже садистские типы поведения. Как исследователю сохранять объективность перед лицом невыносимого? Тернбулл считал "положение племени иков настолько странным, что приходится преодолевать эмоциональную стадию рассуждения и идти дальше" (Turnbull, 1987 [1972], p.357). Таулс, напротив, будучи черным, впервые посетившим Африку, принял их страдания очень близко к сердцу. Его больше занимали мысли о том, как им помочь. "Как же заниматься конкретной антропологией там, где царит жестокость, не наталкиваясь тотчас же на самоограничения?" – спрашивает Таулс (цит. по: Ромон, 1987).

Для всех тех, кто требует уважения к любому прошлому, для кого нет качественного различия между илотами и евреями, для кого чуждость Другого не является оправданием для обращения с ним по своей собственной воле (Fabian, 1983) (признаю, что любая из этих позиций имеет право на существование), экспериментальный подход в его радикальной форме, безусловно, неприемлем.

ЛИТЕРАТУРА

- Борхес Х.Л.** Кафка и его предшественники. В: Х.Борхес. Сочинения. В 3-х т. М.: Полярис, 1994 [1951], т.2, с.89–91.
- Вебер М.** "Объективность" социально-научного и социально-политического познания. В: М.Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990а [1904], с.345–415.
- Вебер М.** Основные социологические понятия. В: М.Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990б [1925], с. 602–643.
- Вебер М.** Критические исследования в области логики наук о культуре. В: М.Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990в [1905], с. 416–486.

- Видаль-Наке П.** Возвращение к "черному охотнику" // Вестник древней истории, 1989, №4, с.11-32.
- Гадамер Х.-Г.** Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988 [1960].
- Музиль Р.** Человек без свойств. М.: Художественная литература, 1984 [1930], т.1.
- Фейерабенд П.** Утешение для специалиста. В: П.Фейерабенд. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986 [1965], с.109–124.
- Фейерабенд П.** Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания. В: П.Фейерабенд. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986 [1975], с.125–466.
- Фрейд З.** Леонардо да Винчи. Л.: Аврора, 1991 [1910].
- Фрейд З.** Человек по имени Моисей и монотеистическая религия. М.: Наука, 1993 [1936].
- Фуко М.** Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994 [1966].
- Хейзинга Й.** Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992 [1937].
- Шкловский В.** Искусство как прием. В: В.Шкловский. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983 [1917], с.9–25.
- Шоню П.** Экономическая история: эволюция и перспективы [1973] // THESIS, 1993, вып.1, с.137–151.
- American Historical Review**, October 1980, v.85, no.4, p.828-857.
- Baxandall M.** Excursus against Influence. In: M. Baxandall. Patterns of Intention: On the Historical Explanation of Pictures. New Haven (CT): Yale University Press, 1985, p.58–62.
- Bernard C.** Introduction a l'étude de la médecine expérimentale. Paris: Flammarion, 1984 [1865].
- Bloch M.** Pour une histoire comparée des sociétés européennes // Revue de Synthèse historique, décembre 1928, t.46, p.15-50.
- Bloch M.** Comparaison // Bulletin du Centre International de Synthèse, juin 1930, no.9, p.31-39.
- Bloch M.** Les Rois thaumaturges. Paris: Gallimard, 1983 [1924].
- Boureau A.** L'aigle: chronique politique d'un emblème. Paris: Editions du Cerf, 1985.
- Bourdieu P., Passeron J.-C., Chamboredon J.-C.** Le métier de sociologue. Paris: Mouton-Bordas, 1968.
- Bourdieu P.** La distinction: critique sociale du jugement. Paris: Editions de Minuit, 1979.
- Calinescu M.** Five Faces of Modernity: Modernism, Avant-Garde, Decadence, Kitsch, Post-Modernism. Durham: Duke University Press, 1987.
- Coleridge S.T.** Biographia Literaria, or Biographical Skeletons of my Literary Life and Opinions. In: S.T.Coleridge. Collected Works. Princeton: Princeton University Press; Routledge and Kegan Paul, 1983 [1817].
- Daumard A.** Une référence pour l'étude des sociétés urbaines en France aux XVIIe et XIXe siècles. Projet de code socio-professionnel // Revue d'histoire moderne et contemporaine, 1963, t.10, p.185–210.
- Daumard A.** Les fortunes des français au XIXe siècle. Enquête sur la répartition et la composition des capitaux privés à Paris, Lyon, Bordeaux et Toulouse d'après l'enregistrement de succession. Paris; La Haye: Mouton, 1973.
- Ehrlich V.** Russian Formalism: History and Doctrine. La Haye: Mouton, 1955.

- Elkana Y.** The Myth of Simplicity. In: G.Holton and Y.Elkana (eds.). Albert Einstein: Historical and Cultural Perspectives. Princeton: Princeton University Press, 1982, p.205–251.
- Elkana Y.** Anthropologie des Erkenntnis: Die Entwicklung des Wissens als episches Theater einer listigen Vernunft. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1986.
- Elkana Y.** Experiment as a Second Order Concept // Science in Context, 1988, v.II, no.1, p.177–196.
- Fabian J.** Time and Other. How Anthropology Makes Its Object. New York: Columbia University Press, 1983.
- Ferro M.** L'histoire sous surveillance. Paris: Calman-Lévy, 1985.
- Fogel R.** Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1964.
- Le formalisme et le futurisme russes devant le marxisme.** Lausanne: L'Age d'Homme, 1975 [1924].
- Foucault M.** Nietzsche, Freud, Marx. Dans: Hommage à Jean Hyppolite. Paris: PUF, 1971.
- Furet F.** Livre et société dans la France au XVIIIe siècle, t.I, II. Paris: Mouton, 1965, 1970.
- Geertz C.** From the Native's Point of View: on the Nature of Anthropological Understanding. In: C.Geertz. Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology. New York: Basic Books, 1983 [1974], p.54–70.
- Ginzburg C.** Signes, traces, pistes. Racines d'un paradigme de l'indice // Le Débat, novembre 1980, no.6.
- Ginzburg C.** Storia notturna. Turin: Einaudi, 1989.
- Hartog F.** Le miroir d'Hérodote. Essai sur la représentation de l'autre. Paris: Gallimard, 1980.
- Hartog F.** Le XIXe siècle et l'histoire. Le cas Fustel de Coulanges. Paris: PUF, 1988, p.97–155.
- Heffer J.** Le dossier de la question. Dans: La nouvelle histoire économique. Exposés de méthodologie. Paris: Gallimard, 1977 [1970].
- Holton G.** Les racines de la complémentarité. Dans: L'imaginaire scientifique. Paris: Gallimard, 1981 [1970], p.74–129.
- Huxley T.** On the Method of Zadig: Retrospective Prophecy as Function of Science. In: Science and Culture. London, 1881, p.128–148.
- Kleberg L.** Les apprentis sorciers // Lettre internationale, été 1988, p.62–68.
- Koyré A.** La révolution astronomique: Copernic, Kepler, Borelli. Paris: Hermann, 1961.
- Lange J.** The Argument from Silence // History and Theory, 1966, v.5, p.288–301.
- Langlois C.-V. et Seignobos C.** Introduction aux études historiques. Paris: Hachette, 1898.
- Latour B.** Les microbes, Guerre et paix, suivi de Irréductions. Paris: Métailié, 1984.
- Le Bras H.** Regarder dans les yeux // Histoire et mesure, 1987, v.II, no.2, p.117–128.
- Le Roy Ladurie E. et Demonet M.** Alphabétisation et stature // Annales ESC, 1980, no.6, p.1329–1332.
- Lévy-Strauss C.** Une peinture médiative. Dans: C. Lévy-Strauss. Le regard éloigné. Paris: Plon, 1983, p.327–331.
- McCloskey D.** The Problem of Audience in Historical Economics: Theoretical Thoughts on a Text by Robert Fogel // History and Theory, 1985, v.24, p.1–22.
- Milo D.** Aspects de la survie culturelle. Paris: EHESS, 1985.

- Milo D.** La rencontre, insolite mais édifiante, du quantitatif et du culturel // Histoire et mesure, 1987, v.II, no.2, p.7-37.
- Milo D.** L'an mil: un problème d'historiographie moderne // History and Theory, 1988, v.28, no.3, p.261-281.
- Milo D.** "...et la Révolution créa le siècle" // Tel Aviver Jahrbuch für deutsche Geschichte, 1989, v.18, p.335-378.
- Milo D.** Du possible en histoire: le cas du Calendrier républicain. Dans: Trahir le temps (Histoire), a paraître 1.
- Milo D.** Dire la discontinuité: la machine(rie) métaphorique de "Surveiller et punir", E paramtre 2.
- Mornet D.** Les enseignements des bibliothèques privées (1750-1780) // Revue d'Histoire littéraire de la France, 1910, v.XVII, p.449-496.
- Perrot J-C.** Rapports sociaux et villes // Annales ESC, 1968, no.2, p.241-267.
- Poggioli R.** The Theory of Avant-Garde. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1968 [1962].
- Prigogine I. et Stengers I.** La nouvelle alliance: métamorphose de la science. Paris: Gallimard, 1979.
- Romon P.** Regard froid sur les Iks // Le Nouvel Observateur, 25 septembre - 1 octobre 1987.
- Sewel W.H., Jr.** Marc Bloch and Comparative History // History and Theory, 1967, v.4, p.208-218.
- Steiner P.** Three Metaphors of Russian Formalism // Poetic Today, Winter 1980-1981, v.II, no.1b, p.59-116.
- Tamashevski B.** Thématique. Dans: T.Todorov (ed.). Théorie de la littérature, textes des formalistes russes. Paris: Editions du Seuil, "Tel quel", 1965 [1917], p.282-292.
- Todorov T. (ed.).** Théorie de la littérature, textes des formalistes russes. Paris: Editions du Seuil, "Tel quel", 1965 [1917].
- Turnbull C.** Les Iks. Survivre par la cruauté. Nord-Ouganda; Paris: Plon, "Terre humaine", 1987 [1972].
- Vidal-Naquet P.** Lettre. Dans: Michel de Certeau // Cahiers pour un temps, Centre Georges Pompidou, 1987a, no.12, p.71-74.
- Vidal-Naquet P.** Les assassins de la mémoire. Dans: Vidal-Naquet P. Les assassins de la mémoire. Paris: La Découverte, 1987b, p.134-187.
- Witschi-Bernz A.** Main Trends in Historical-Method Literature: Sixteenth to Eighteenth Centuries. Bibliography of Works in the Philosophy of History, 1500-1800 // History and Theory, 1972, Beiheft 12.
- White H.** Foucault Decoded: Notes from Underground. In: Tropics of Discourse. Essays in Cultural Criticism. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978 [1973].